

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-408-419

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ: СОКРЫТЫЕ ПОСЛАНИЯ И АДРЕСАНТЫ*

ГОРОДСКИЕ ТЕКСТЫ И ПРАКТИКИ.

**Т. I: СИМВОЛИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ / Сост. А.С. Архипова,
Д.А. Радченко, А.С. Титков. М.: Издательский дом «Дело»
РАНХИГС, 2017. 324 с.**

«Следует говорить о некоем континууме символического инакомыслия... По логике вещей, ...практически все движения требовали разрушения социальной системы, поэтому имели форму восстаний. Они присваивали властные полномочия, магическое обаяние, регалии и институциональную харизму... государств посредством своеобразного символического джиу-джитсу атакуя противника его же оружием» [2. С. 446—447].

В последние десятилетия мы живем в очень странном мире: со страниц научных и публицистических работ он предстает мозаикой постмодерна, в котором бесконечно множатся локальные возможности и особенности жизни разных сообществ, но действовать им приходится в жестко очерченных границах весьма авторитарных макроструктур, суть которых идентична в разных общественных системах, какими бы несхожими они ни казались на первый взгляд. Мы наблюдаем одновременно и восхваление разнообразия предоставляемых современным миром возможностей организации собственной жизни, и возникновение удивительного спектра вариантов отторжения того, что предлагают (или навязывают) даже самые благополучные социальные системы, — от открытых бунтов и погромов до производства протестных «текстов» (вербальных и визуальных), считать критический посыл которых может только посвященный в соответствующий символический код. Подобную противоречивую целостность современной жизни вряд ли следует считать чем-то необычным в истории — скорее результатом сочетания традиционных и новых (прежде всего, коммуникационно-информационных) черт эпохи, которые заставляют иначе взглянуть и на категориальный аппарат социально-гуманитарного знания, и на объективные и символические черты повседневной жизни.

Коллективная монография «Символическое сопротивление» представляет собой первый том двухтомника «Городские тексты и практики» и посвящена «исследованию форм публичного и скрытого символического сопротивления в разных культурах и политических практиках» (с. 2). Это весьма амбициозно-масштабная

* © Троцук И.В., 2017.

задача, учитывая многообразие подобных практик, особенно при широкой трактовке символического сопротивления и его «ареалов» (в больших городах и провинции, у советских граждан и подданных английского короля). Часть читателей подобный тематическо-ситуативный разброс может смутить, потому что благодаря ему книга получилась эклектичной, однако кейсово-зарисовочный формат позволяет увидеть общие черты, казалось бы, несхожих событий и явлений.

Во введении авторы-составители обозначают спектр сложившихся на сегодняшний день теорий символического сопротивления; в первой главе идентифицируют его индикаторы (коды); во второй обрисовывают возможные и реальные тактики сопротивления в советском обществе; в третьей показывают, сколь вариативны практики сопротивления в городской среде; в четвертой отмечают региональные особенности сопротивления, детерминируемые идентификационными паттернами его участников; и, наконец, в пятой, заключительной, главе обозначают биографические траектории обучения протесту.

Невзирая на тематический разброс глав, их пронизывает несколько общих рефренов: символика — попытка не скрыть протест, а сделать его явно считываемым целевой аудиторией; жесткий контроль и санкции не уничтожают протест, а усиливают его «теневого» характер, т.е. усложняют систему его символической кодификации; нынешние формы протеста традиционны в том смысле, что имеют либо истоки, либо примеры в обозримом или отдаленном прошлом, главное — не цепляться за детали, а мыслить в категориях стратегий и тактик сопротивления; дисциплинарные границы в их изучении должны быть максимально подвижны, поскольку сочетание исторических, антропологических, этнографических, социологических, демографических и прочих наработок позволяет реконструировать максимально полную на макроуровне и детально насыщенную на микроуровне картину (другой вопрос — насколько авторы следуют этим явно считываемым из текста рекомендациям).

Во введении, озаглавленном «„Фига в кармане“ и другие теории символического сопротивления», авторы, видимо, решают задачу отпугивания «не своего» читателя, потому что первая фраза здесь такова: «5 марта 1953 года стало известно о смерти Сталина... Был объявлен траур, и любые проявления других эмоций, кроме траурных преследовались» (с. 5). Далее уточняется, как «знающие люди...», спрятав свое чувство радости в непонятную для непосвященных форму», смогли «„отпраздновать“ смерть тирана». Это действительно показательный пример, который, наряду с политическими анекдотами, прозвищами начальников, говорящими именами литературных персонажей и прочими проявлениями «фиги в кармане», демонстрирует одну из форм символического сопротивления, но все пример неоднозначный (учитывая сложное отношение к усопшим в российской культуре). Если подобное начало и кейсово-зарисовочный формат не остранныт книгу до отторжения неподготовленным читателем, но читать ее всю ему не захочется, то во введении составители предлагают ее краткое изложение, обозначив свои задачи (проанализировать разные формы скрытого протеста с помощью различных концепций, чтобы показать не только вариативность символического сопротивления, но и возможности его «считывания»), исследовательские приоритеты (работа

с фольклорными текстами и ритуальными практиками, которые за счет анонимности и клишированности обеспечивают быстрое и безопасное для «отправителя» распространение протестно-символических посланий) и содержание каждой главы.

Концептуальные рамки сборника таковы: во-первых, теории сублимации (вытеснение страха или реализация социального недовольства с помощью фольклора), (само)защиты, резистенции (сопротивление) и субституции (замена открытого протеста символическими формами), позволяющие идентифицировать, например, функции политического анекдота; во-вторых, теории сопротивления «слабых», представленные, прежде всего, работами М. Серто («о рекомбинировании, изменении и изобретении вариантов одобренного поведения и форм „антиповедения“/„тактик“ по отношению к доминирующим субъектам и ценностям» — с. 9) и Дж. Скотта (об «оружии слабых» как практиках ненасильственного сопротивления власти).

Следует отметить очень взвешенную характеристику разных концептуальных подходов к анализу символического сопротивления, поскольку авторы обозначают не только их эвристические возможности, но и ограничения. Скажем, применительно к первой группе теорий уточняется, что политические шутки не всегда выполняют критически-протестную функцию, а могут сдерживать общественное недовольство и агрессию в интересах властей (как «клапан для снижения протестного давления» — с. 8).

Тексты сборника вариативны по тематикам и насыщены эмпирическими данными и/или иллюстративным материалом, поэтому нет смысла подробно останавливаться на каждой из двадцати составляющих его статей, и ниже будут пунктирно обозначены их содержательные акценты и сюжеты. В первой главе «Скрытое становится явным: коды сопротивления» представлено «разграничение между нормативным выражением и сопротивлением (публичным и скрытым)» (с. 15). В статье «Границы опасного: советская власть в поисках „скрытых транскриптов“» показано, как при переходе от сталинской эпохи тоталитарного карательного контроля к эпохе застоя радикально меняется фокус властного интереса: прежде это были «скрытые транскрипты» даже в официальных текстах, и наказания за политический анекдот не ограничивались идеологическим внушением, но спустя несколько десятилетий фокус государственного внимания сместился от поисков сокрытого к открытым формам публичного протеста — акционального, вербального и визуального. В духе критического дискурс-анализа «сокрытие» декларируется излюбленной стратегией всех агентов социального действия той эпохи: эзопов язык использовали не только критики режима, но и карательные органы, хватавшие людей формально не за политические анекдоты, а за «ненависть к строительству социализма» и пр.

В статье представлены примеры антисоветских частушек («В колхозе добро жить, один работает, сто лежит. Хлеб колючий, борщ вонючий») и других форм политического фольклора, с конца 1930-х гг. обвиняемых в контрреволюционной пропаганде и «скрытых вредительских посланиях в стране победившего социализма, где враг вынужден действовать непрямым образом» (с. 30). Предпринимается попытка систематизировать «термины карательных органов и научные обозначения для „опасных высказываний“» и приемы табуизации «дословной пере-

дачи оскорбительных циничных выражений по адресу руководителей партии и правительства» (с. 41) в официальных документах (для защиты и как ритуальные формулы), дается критический обзор исследований «контрреволюционного» фольклора и эмпирические подтверждения (ограниченной) применимости к данной проблематике концепта «скрытые послания» Дж. Скотта, отмечается смены акцентов в государственном мониторинге общественного мнения, в результате чего после 1960-х гг. «анекдоты и слухи вернулись в неподцензурную сферу устного бытования и перестали интересовать советскую власть» (с. 38).

Во второй статье раздела рассматриваются формы протеста в послевоенном СССР, варьирующие от скрытой политической оппозиции (прото-диссиденты 1940—1950-х и «классические» диссиденты 1960—1980-х) до публичных протестных акций (хаотичные и безрезультатные индивидуальные протесты и стихийные массовые выступления). Характерной чертой данного текста, первого раздела и книги в целом является продуманное сочетание исторических фактов, эмпирических данных и концептуальных отсылок, в частности, в данной статье представлен краткий обзор сложностей с интерпретацией и, соответственно, идентификацией публичной сферы в советском общественном пространстве, учитывая подвижность ее границ, которые то сужались (когда «автором любых лозунгов, плакатов, информационных и рекламных надписей были государственные органы» — с. 54), то расширялись (когда проходили редкие несанкционированные митинги).

Далее в первой главе обозначены случаи протестной политической мобилизации студенчества в 1940—1960-е гг., причем «не вопреки, а вследствие воздействия государственных институтов... — подпольные организации школьников и студенческий протест на физическом факультете МГУ» (с. 57), описанные на основе собственных эмпирических данных (интервью с участниками событий) и архивных материалов. Характеризуя школьный протест, автор статьи усматривает слишком прямую зависимость между уроками литературы (чтением романа А. Фадеева «Молодая гвардия») и формированием оппозиционной политической субъективности, а в статье про студенческий протест очень точно подмечена внутреннюю противоречивость партийного контроля (технократический и идеологический), которая, будучи подкреплена другими факторами, позволяла идеологическому давлению государства производить «совершенно противоположный задуманному эффект — нелояльность и даже протест» (с. 67).

Последующие статьи первого раздела фокусируются на визуально-вещной, т.е. символической, стороне протестной мобилизации, которая обуславливает интенсивные эмоциональные переживания обоих лагерей («своих» и «чужих»), будучи проекцией их коллективных переживаний. Так, Алексей Титков объясняет причины «успеха „белой ленты“ как мобилизующего символа больших протестных митингов 2011—2012 гг., и, одновременно, провал исходного замысла с постоянным „белым шоу“ в повседневной городской среде», где множество людей с «белой лентой» должны были превратить город в «непрерывную демонстрацию народного недовольства» (с. 70).

Автор обращается к истории идеи «белой ленты» и к различиям целей данной акции и их реализацией: предполагалось, что «белую ленту» будут носить люди,

не желающие участвовать в организованных уличных акциях, но с ее помощью выражающие им свою солидарность, однако носить ее стали, в первую очередь, участники митингов, для которых она стала маркером «своих», дарующим гордость и радость от встречи с многочисленными единомышленниками.

Статья о невербальном коде желто-голубого как отсылающем к цветам национального украинского флага подтверждает, что символический протест — «в глазах смотрящего». С одной стороны, идеологически смещенное мировосприятие в сложной политической ситуации способно увидеть проукраинскую пропаганду даже в раскраске детской площадки и породить «конспирологический нарратив» («бытовому предмету, далекому от какого-либо политического контекста, приписывается политическое высказывание» — с. 85). С другой стороны, цветовая паранойя порождает возможности двойного прочтения любых желто-синих сочетаний («лоялистская» и оппозиционная части общества начинают обнаруживать искомые сообщения в контекстах, не имеющих к политике отношения — с. 91) и игровые формы сопротивления, когда свою политическую позицию можно продемонстрировать посредством использования соответствующих цветовых сочетаний в одежде.

Завершает обзор современных практик символического сопротивления в первом разделе хорошая систематизация форматов критической текстуальной и визуальной реакции российского общества на гомофобное законодательство, которое в основном ассоциируется с именем Е.Б. Мизулиной: это разные жанры (демотиваторы, пародийные песни и открытые письма, петиции, частушки, анекдоты и пр.); приемы символической агрессии (не только тривиальные инвективы и оскорбления, но также инверсия — обвинения борца за нравственность в развратности, подмена этического спора обсуждением эстетических или финансовых вопросов, поиск скрытых мотивов типа отвлечения внимания общественности от важных проблем, использование ярких образных отсылок к холокосту и средневековой инквизиции в целях радикализации и «фашизации» образа и т.д.). Несмотря на убедительность утверждений о разнородности символического сопротивления «мизулинщине» (массовые и нишевые формы) и его иллюстраций, статья вызывает некоторые сомнения слишком обобщающим характером выводов, например, о скорее мизогинистских, чем феминистских основаниях критики законодательных инициатив Мизулиной (отчасти это так, но все же не вполне обосновано утверждение, что угроза и диффамационная конструкция были характерны скорее для мужчин, чем для женщин, на основе сведений из социальных сетей и интернет-источников).

Таким образом, в первом разделе показана подвижность границ между лояльностью и сопротивлением, между скрытыми и явными его формами, между разными типами кодов символического сопротивления (самостоятельно идентифицируемые и нуждающиеся в адресанте), между однозначным считыванием кода и его размытием/насыщением противоположными смыслами для разных интерпретаторов в зависимости от исторического контекста и идентификационных паттернов агентных групп. Заключительным аккордом раздела стал материал о «скры-

тых посланиях» яcobитского протеста (маркирующих подпольную яcobитскую субкультуру после 1746 г., а до того подкреплявших прямые маркировки ее симпатий и «официальную» эстетику восстания — с. 113), что свидетельствует о длительной истории и традиционности символических форм сопротивления (вербальных эвфемизмов и прочих приемов маскировки смысла протестного высказывания), выполняющих не только агитационную, но и коммеморативную функцию и призванных сокрывать и действие, и (иносказание), и действующего (псевдоним или конспиративная квартира).

Вторая глава на советском материале описывает особую форму сопротивления доминантному образу жизни и идеологии — отказ от них за счет снижения своего статуса или социальных возможностей в целом. Речь идет о разных стратегиях сознательной пассивной самомаргинализации, которые оказываются успешны в случае наличия локального сообщества «единомышленников» (по религиозному, этническому, профессиональному, интеллектуальному или иному признаку). Во втором разделе рассмотрено три кейса: во-первых, религиозные практики и теневая экономика еврейских сообществ советской провинции, благодаря которым они сохраняли традиционные формы культуры и религиозного поведения с конца 1920-х гг. и отчасти вплоть до начала 1990-х. «Такие формы жизни, как религиозная община, благотворительность и традиционные обряды перехода, были сферой, в которой низкостатусный, а то полукриминальный доход частника (кустаря) или кооператора мог быть конвертирован в социальный престиж и статус» (с. 131). «Механизмы альтернативной экономики (например, малопрестижная, но денежная работа портным, заготовителем в кооперации, продавцом на рынке, мясником, в кооперативном колбасном цеху и т.д.) породили формы общинной и религиозной жизни» как варианты сопротивления советскому (с. 132). Подобный «альтернативный» образ жизни с нелегальными синагогами и мацепекарнями был возможен только в местечках — маленьких городах на периферии с компактным еврейским большинством, где начальство не хотело ссориться со «своим» населением, поэтому синагога была «зоной формирования и функционирования системы статусов, альтернативных советской системе» (с. 141).

Второй кейс — добровольный индивидуальный «разрыв со своим социумом по идейным (политическим и/или культурным, а не религиозным) соображениям и уход в маргинальность» (с. 143). Он проиллюстрирован биографическими примерами из 1920-х (дочь профессора-гебраиста и жена арестованного поэта-биокоsmиста добровольно, не принимая большевистскую политику, идеологию и образ жизни, ушла из дома и стала жить на улице, промышляя воровством) и 1950—1980-х гг. (пародирование и нарушение основных советских идеологических и поведенческих табу Венедиктом Ерофеевым, разнообразные «технологии» и «механизмы» пассивного сопротивления — уход в сторожа, лифтеры, котельные, разнорабочие и пр., чтобы не попасть под действие закона о тунеядстве, но обрести интеллектуальную и поведенческую свободу).

Наиболее исторический материал завершает вторую главу книги — это обзор практик символического отказа от гражданства (подданства), характерных для ре-

лигиозно-общественных движений (анархизм и нонконформизм эсхатологического плана) первой трети XX в. (отказ от паспортов, присяги, уплаты налогов, участия в переписи, службы в армии, регистрации брака, крещения детей, подчинения законам и пр.) (с. 157), но встречающихся и сегодня в том же формате «символического протеста против нормализующих практик и контролирующих институтов современного государства» со стороны тех сообществ, что пытаются отстоять свою «зону автономности» (с. 165). В начале XX в. «антидисциплинарный протест» секуляризировался, пример чему в позднесоветский период — хиппи, конструирующие альтернативные советской реальности эстетические, религиозные и идеологические образцы, в том числе «косполитическое мировоззрение, непризнание границ, пацифистские настроения... и отказ от советского гражданства» (с. 166).

Третья глава вводит в анализ символических форм сопротивления пространственную проблематику, показывая, как разворачивание протестных практик детерминируется городской средой и, в свою очередь, изменяет ее. Освоение и присвоение городского пространства протестующими может носить как вербальный и активно-деятельностный характер, так и визуально-символический, если речь идет о граффити как «форме сопротивления — от бунта против невидимости социальной группы до борьбы с доминирующей образностью» или же как коммуникативном средстве с подвижными и изменчивыми интенциями (с. 18). Первая статья раздела посвящена «оппозиции протестам со стороны внешне нейтральных групп людей, чьи интересы так или иначе затрагиваются в ходе этой борьбы, т.е. „протесту против протеста“» (с. 174) на примере обсуждения в московской пробке протеста дальнобойщиков против введения системы оплаты дорожных сборов «Платон», «в ситуации максимальной неопределенности, созданной противоречивыми высказываниями СМИ, тотальной неуверенностью в возможности доверия всем источникам информации и собственным опытом водителей... оказавшихся вписанными в сложную систему взаимоотношений заинтересованных групп: власти, протестующих дальнобойщиков, оппозиционных деятелей и организаций, медиа... анонимов на „Разговорчиках“... Фрустрация, связанная с потерей времени в пробке и информационным дефицитом, заставляет водителей искать среди этих групп виновников пробки» (с. 177) и выбирать (и рационализировать) одну из трех стратегий коммуникативного поведения: солидаризация с протестующими, отрицание общественной значимости их действий и протест против акции дальнобойщиков как «самозваной» власти, ограничивающей передвижение по городу.

Три оставшиеся статьи третьего раздела рассматривают присущие современному городу способы «разговора» в вербально-визуальном формате граффити/эпиграфики — как одновременно и семиотический текст (маргинальный по отношению к доминирующей официальной и рекламной эпиграфике), и практику скрытого политического действия («райтеры осуществляют свое „право на город“..., заступая за границы нормативного поведения» — с. 188). На материалах Нижнего Новгорода (495 эпиграфических единиц) авторы провели, по сути, протейший контент-анализ и выделили основные темы эпиграфических текстов (по-

литика — наименее частотная, социальная сфера, духовная, личностная — лидирующая тематика, пространство и контекст размещения).

Исследование в Самаре также базируется на трактовке граффити как «формы сопротивления санкционированной образности, господствующему видению публичного пространства», причем сегодня это «протест молодого поколения против ряда устаревших, с его точки зрения, культурных норм, стереотипов видения городского пространства и легитимированной в нем активности» (с. 199). В данном случае исследование велось в формате интервью с граффитчиками, которые позволили выделить несколько групп граффити: «первой волны» (в рамках субкультуры хип-хопа) и «второй волны» (граффити остается средством творческой самореализации, но исчезает ценностная риторика поиска собственной идентичности в противопоставлении другим субкультурам).

Завершает раздел анализ граффити киевского Майдана 2014 г. по материалам включенного наблюдения, призванный показать роль символического сопротивления в реальном политическом протесте и способность граффити обеспечивать осмысленную коммуникацию по самым разным тематикам (личные послания, злободневные изображения политического кризиса, радикальные националистические надписи, коммеморация и т.д.) благодаря разным типам граффитчиков (профессионалы, спонтанные, активисты движений с трафаретами, участники уличной борьбы, жители палаточного городка и приезжие из других регионов, выражающие солидарность с местными жителями).

Четвертая глава — самая скоттовская по духу и терминологии часть книги, поскольку в ней рассматриваются характерные для Скотта сюжеты: региональные особенности сопротивления, приемы открытого протеста, тактики символической маскировки недовольства, роль идентичности в успешности или затухании протеста, способы легитимизации сопротивления (включая апелляции к религиозному дискурсу) и др.

Открывает раздел описание форматов политического активизма в маленьком городе по материалам интервью с ключевыми участниками вологодского политического протеста, благодаря которым были выделены приемы маскировки и прямого действия в локальной протестной активности (например, имитация публичного поминовения «покойника» — сносимых торговых рядов XIX в.) и в нарративах о ней (максимально обобщенные номинации власти, жаргонизмы, объективация и деперсонификация, дифемизмы и пейоративы и др.), а также эвфемизмы и другие реакции власти на открытое и символическое сопротивление (от игнорирования до преследования).

Продолжает раздел описание символического сопротивления добыче никеля в Черноземье, которое зародилось в 2012 г. как экологическое движение, но быстро переросло в политическое, сочетая рациональные (экономические) и идеологические аргументы (защита малой родины, продовольственная безопасность и др.). Завершает раздел характеристика религиозной группы сторонников Белой веры, которая выступает словом и действием против «буддизма, археологических раскопок, православной и туристической экспансии на территориях, сакрально значи-

мых для алтайцев» (с. 251). Ей противостоит республиканская власть и городская алтайская интеллигенция, дискурсивно маргинализировавшие членов группы (актянцев) как невежественных деревенских фанатиков и вытеснившие их из публичной сферы. «Радикализация и стигматизация дискриминируемой группы актянцев приводит к формированию арсенала практик символического сопротивления» (с. 252): квазиавторство текстов самиздата или приписывание своим текстам высказываний от имени всего алтайского народа, горловое пение (кай) как способ высказать запретное в публичном пространстве, конспирологические интерпретации власти и пр.

И, наконец, в пятой главе представлены советские и постсоветские формы сопротивления в детской культуре, которые могут трансформироваться в успешные тактики протеста в реальном (не игровом или школьном) мире (т.е. протестующими не рождаются, а становятся). Здесь читателю вновь предложено три разных кейса: во-первых, «обзорный очерк, освещающий как активное оппозиционное поведение школьников стало предметом описания в терминах сопротивления в англо-американской традиции социологии образования, и как эта традиция перекликается с обсуждением советской школьной повседневности в отечественной науке уже в постсоветскую эпоху» (с. 265). Причем обозначаемые функции практик сопротивления зависят от концептуальных пристрастий своих исследователей (политические, игровые и ритуальные) и типа полевой работы (этнографическое описание контркультурных практик или фольклористический анализ школьных «текстов»). Второй кейс — превращение детской игры в солдатиков в детской стране-утопии, метафорически отражающей реальные политические события, в форму символического сопротивления, поскольку добавление в деятельность увлеченного коллекционера исторического измерения (памяти о репрессиях) «политизирует игровые и художественные цели, которые ранее считались эскапистскими» (с. 286). Завершает раздел кейс сопротивления дочери родительской власти над телом и питанием (пичкание ее средствами альтернативной медицины) в форме привычной практики постсоветского детства (взаимные опросы-тесты), вследствие чего индивидуальный протест был воспринят как таковой не всеми одноклассниками протестующей.

Основная проблема сборника для читателя с социологически смещенной «оптикой» или ориентированного на извлечение из книги общего понимания характерных черт символического сопротивления в прошлом и настоящем, состоит в ее «нерезентативности» — это хороший набор интересных кейсов без уточнений степени их социальной типичности/симптоматичности и критериев их отбора. Другая проблема книги, отчасти обусловленная первой, — не всегда очевидные интерпретации кейсов.

Несомненное преимущество сборника — его опора на обширный эмпирический материал, однако часто принципы получения этих данных оказываются для читателя, вполне в духе книги, «сокрытыми». Например, когда приводится список из 18 опрошенных автором в мае 2012 г. информантов, не оговаривается, где именно, посредством какого гайда проводился опрос, а также почему среди опрошен-

ных лишь две женщины и как гендерный переко́с повлиял на данные? Или: на основе пяти интервью (четыре также были проведены с мужчинами) автор делает вывод, что «люди, особенно лояльные российским властям, стали негативно реагировать на желто-голубое [цвета украинского флага] сочетание цветов даже в очевидно внеполитическом контексте... поэтому люди, которые хотят оставаться политически нейтральными, пытаются исключить желто-голубой из ежедневного обихода» (с. 93) — это слишком сильная генерализация.

Кроме того, авторы, работая с определенным историческим периодом, не оговаривают возможности применения аналогичной «оптики» к дню сегодняшнему, заставляя читателя сомневаться, имеет ли он право опираться на нее в оценке нынешних реалий. Скажем, когда говорится, что «в идеологизированном советском дискурсе любая фраза может обрести политическое звучание» (с. 55), а потому маркирована как оппозиционная и повлечь за собой репрессивные санкции, можно ли расширить это утверждение до любого идеологизированного дискурса вообще, принимая во внимание, что сегодня российское государство, защищая свое право на монополию высказываний в публичной сфере, применяет весьма серьезные санкции (задержания участников мирных митингов за «неправильные» плакаты, суд над ловцом покемонов в церкви и пр.).

Также можно отметить и слишком однозначные характеристики ключевого для книги ученого — Дж. Скотта. Вряд ли следует квалифицировать его как «марксиста», «естественно» оперирующего понятиями «класс» и «доминирующий класс», поскольку по тональности работ Скотт скорее романтик-анархист, а не марксист [как, скажем, Г. Бернштейн: 1], искренне верящий в право (и способность) разных сообществ определять собственный образ жизни и социальную организацию и подтверждающий это историческими фактами, а не идеологическими клише и экономическими расчетами. Несколько странно читать и следующий пассаж: «Скотт не учитывает того, что невыгодные „слабым“ системы держатся не на страхе, а на вере в доминирующую идеологию, которая легитимизирует и натурализует власть элит» (с. 12).

Скотт всячески подчеркивает символическое влияние идей, легитимирующих властные претензии, но уточняет, что это влияние бывает столь же широкомасштабным, сколь поверхностным, поэтому «слабые» умеют импортировать из властной идеологии нужные им идеи и вплавлять их в призывы к борьбе с культурным или политическим господством [2. С. 480]. Пример того, как «слабые» заимствуют инструменты символического подавления у государства для противостояния ему, представлен в книге — это российский протестный фольклор, приписывающий инициаторам гомофобных законов ровно те черты, которые они хотят этими решениями искоренить, и апеллирующий к историческим кодам тоталитарного подавления инаковости. Так что «некоторые теоретические упрощения Скотта, за которые его справедливо критиковали» (с. 12), все же обозначены в книге не вполне корректно, особенно учитывая, что Скотт оговаривает категорию неприменимость своей концепции для второй половины XX в.

Вероятно, представленная в сборнике трактовка теории Скотта объясняется игнорированием этой оговорки и опорой только на две его работы [3; 6], а не на более поздние, тогда как, например, в книге «Искусство быть неподвластным...» [4].

Скотт рассматривает способы противостояния любых сообществ (а не классов) попыткам своего инкорпорирования в «тело» государства при поддержании разных форм взаимодействия с ним в выгодном для себя формате. Кроме того, если для авторов столь важно скоттовское различие «публичных транскриптов» (способ разыгрывать «спектакль повиновения») и «скрытых транскриптов» («закулисный дискурс», критикующего власть за пределами ее «слышимости»), странно не видеть в сборнике ссылки на работы И. Гоффмана — его разведением «переднего плана» и «закулисы» можно было бы дополнить модель Скотта, не оспаривая вполне устоявшиеся русские версии его терминологии.

Впрочем, перечисленные соображения (а не критические замечания) ни в коей мере не отменяют необходимости знакомства с книгой максимально широкой аудитории, однако читатель должен быть готов к тому, что это очень внутренне разнородная работа (скорее сборник статей, чем декларируемая в аннотации коллективная монография) — по концептуальным и историческим рамкам, понятийно-категориальному аппарату (скажем, хотя в начале обоснован отказ от словосочетания «скрытые послания» в пользу «скрытых транскриптов» как более корректно отражающих идейный замысел Скотта, в названии статьи позже используется отвергнутый вариант; в другой статье утверждается, что граффити и стрит-арт — «тексты только иконические, без вербальных элементов», что вряд ли соответствует действительности), региональному разбросу и авторской эмоциональной вовлеченности, сочетанию нарративов (академической аналитики и развернутых цитат из текстов информантов) и кейсов. В книге отсутствует заключение, но на обложке приведен ряд принципиальных для ее авторов вопросов, продолжить самостоятельные поиски ответов на которые, видимо, должен сам читатель, получивший для этого необходимые аналитические инструменты и «толчок для дальнейших исследований скрытых и явных форм символического сопротивления в разных культурах» (с. 20).

И.В. Троцук

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бернстайн Г.* Социальная динамика аграрных изменений / Пер. с англ. И.В. Троцук. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
- [2] *Скотт Дж.* Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Пер. с англ. И.В. Троцук. М.: Новое издательство, 2017.
- [3] *Scott J.C.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990.
- [4] *Scott J.C.* The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven & London: Yale University Press, 2009.
- [5] *Scott J.C.* Decoding Subaltern Politics. Ideology, Disguise, and Resistance in Agrarian Politics. Oxon: Routledge, 2013.
- [6] *Scott J.C.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1985.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-408-419

**SYMBOLIC PROTEST:
HIDDEN MESSAGES AND ADDRESSERS***

**GORODSKIE TEKSTY I PRAKTIKI. Vol. I: SIMVOLICHESKOE SOPROTVIENIE
[URBAN TEXTS AND PRACTICES. VOL. I: SYMBOLIC RESISTANCE] /**

**Sost. A.S. Arhipova, D.A. Radchenko, A.S. Titkov. Moscow:
Izdatelskij Dom “Delo” RANHiGS, 2017. 324 p.**

REFERENCES

- [1] Bernstein H. *Socialnaja dinamika agrarnyh izmenenij* [Social Dynamics of Agrarian Change]. Per. s angl. I.V. Trotsuk. Moscow: Izdatelskij dom “Delo” RANHiGS; 2016 (In Russ.).
- [2] Scott J. *Iskusstvo byt' nepodvlastnym: Anarhicheskaja istorija vysokogorij Jugo-Vostochnoj Azii* [The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia]. Per. s angl. I.V. Trotsuk. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2017 (In Russ.).
- [3] Scott J.C. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press; 1990.
- [4] Scott J.C. *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven & London: Yale University Press; 2009.
- [5] Scott J.C. *Decoding Subaltern Politics. Ideology, Disguise, and Resistance in Agrarian Politics*. Oxon: Routledge, 2013.
- [6] Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press, 1985.

* © I.V. Trotsuk, 2017.